

Леонид Десятников: композитор — профессия старых людей

Коммерсантъ. — 2005. — 18 окт. — с. 22

юбилей музыка

В Петербурге и Москве проходит фестиваль **Леонида Десятникова** «Любовь и жизнь поэта», посвященный 50-летию композитора (о концертах фестиваля „Ъ“ писал 11 и 15 октября). А в Мариинском театре Большой дает гастрольные представления «Детей Розенталя». По такому случаю **ЛЕОНИД ДЕСЯТНИКОВ** ответил на вопросы **СЕРГЕЯ ХОДНЕВА**.

ЮРИЙ МАРТЫНОВ

— Для вас юбилей — веха творческая или биографическая?

— Биографическая. Понимаете, было бы странно, если бы я творческую жизнь планировал наподобие сталинских пятилеток.

— Дата уж очень символическая.

— И моя фамилия, состоящая, кстати, из десяти букв, вроде бы располагает к играм с цифрами. Если учесть, что это еще и октябрь, десятый месяц, и что родился я в 55-м году, получается какая-то каббалистическая символика. Но я просто решил сделать себе к пятидесятилетию подарок — я считаю таковым «Детей Розенталя» — и этим ограничиться.

— Какие то последствия этого опыта будут?

— Это я пойму в тот момент, когда начну работать над будущими сочинениями.

— А пока взяли перерыв?

— Просто я был в течение довольно долгого времени занят всякой публичной деятельностью, а не творческой.

— В связи с оперой?

— И в связи с юбилеем также, как ни странно. Почти все летние месяцы я ездил с Гидоном Кремером по его фестивалям, и он был так добр ко мне, что по случаю предстоящего юбилея значительную часть программы мне и посвятил. Не только мне, конечно, но и Гии Канчели, и Арво Пярту, которые тоже юбиляры этого года.

— Как вы относитесь к общественному резонансу, вызванному премьерой?

— Все, что ни делается, к лучшему, я считаю. Как сложилось, так и сложилось. Но мне даже неудобно. Потому что, допустим, скандал из-за «Весны священной» по своим масштабам, мне кажется, был гораздо камерней. А между тем «Весна священная» — это великое произведение.

— А если иметь в виду положительные последствия? Наверное, после скандала прибавилось заказов?

— У меня с этим и без «Детей Розенталя» не было проблем. Но премьера благодаря «Идущим» или как их там действительно получила резонанс везде. Во всех странах первого мира, по крайней мере. Там люди однозначно проявляют интерес. Большой театр уже везет оперу в Америку.

— Насколько вы представляете себе те будущие сочинения, о которых вы упоминали?

— У меня есть вполне конкретные заказы. Я знаю, что в одном случае это будет камерное сочинение, а в другом — голос и симфонический оркестр.

— А с кинематографом будете сотрудничать?

— Мне недавно впервые в жизни предложили написать музыку к сериалу. Пока я склонен принять это предложение, как ни странно. Инициация — всегда очень интересный процесс...

— Можно поподробнее про музыку?

— Во-первых, это классический сюжет. Сценарий полно и благоговейно воспроизводит все сюжетные линии некоего многофигурного романа. Во-вторых, серий не очень много. Их не 125, а, к примеру, 8. К тому же у меня есть некоторый отдельный кураж, который заключается в том, чтобы сделать к сериалу музыку, исполняемую впервые, может быть, в новейшей истории этого жанра — на акустических инструментах. Мы дожили до той ситуации, когда с телеэкрана мы не можем услышать ни одного звука, который сопровождали бы естественные обертонны. Не знаю, насколько мне это удастся.

— А дядя драматического театра работаете?

— Я возобновляю свое сотрудничество с режиссером Валерием Фокиным в Петербурге. Это будет «Живой труп». Я давно получил это предложение, но поскольку я ненавижу цыганскую музыку, я сказал Фокину, что не стану писать для этого спектакля. Но он все-таки пошел мне навстречу и согласился поставить спектакль так, что в нем не будет никакой цыганской музыки.

— Вернемся к «Детям Розенталя». Как вы считаете, современные и будущие оперные композиторы могут рассматривать вашу оперу как рецепт обращения с жанром в наше время?

— Ну конечно нет! Мне вообще трудно себе представить последователей. Я не чувствую себя академическим человеком, у которого есть школа и адепты. Никакой доктрины у меня нет.

— Но хотя бы совокупность приемов есть?

— А как вы себе это представляете? Что вдруг появятся на сцене очередные бомжи-композиторы, на сей раз Вебер и Шуберт? Кстати, похожая идея была у Стравинского: они с Оденгом хотели написать оперу, в которой бы действовали Вебер, Мендельсон и еще кто-то. Но это трудно себе представить.

— В таком виде, безусловно, да. Но вот если не отталкиваться от буквальных сюжетных особенностей, а развивать саму идею...

— Да этим же просто никто не занимается, кроме меня! Композиторы, по-моему, до такой степени стремятся к самовыражению, что хотят быть прежде всего успешными индивидуальными брендами. А это влечет за собой потери, некую творческую ригидность. А то, чем занимаюсь я, предполагает все-таки более чуткий отклик на то, что лежит вокруг.

С другой стороны, меня тревожит, что с возрастом творчество не идет по восходящей. Образцы старческой музыки мне слишком хорошо известны. Есть и исключения — «Фальстаф» Верди, например. Так что я надеюсь, что у меня все это будет происходить не так болезненно. Хотя композитор — профессия старых людей, а не молодежи.

— Ваше отношение к работе со временем меняется? Как вам обычно работаете — «от звонка до звонка» или нет?

— В каком-то смысле да. Моя жизнь — как у доктора Джекилла и мистера Хайда — распадается на две неравные части. Находясь в одной из них, я, допустим, разговариваю с вами или же выхожу на сцену после концерта пожать руку Гидону. А потом все заканчивается, занавес опускается, и я возвращаюсь к рабочему столу — точнее, к роялю. И это совсем другая жизнь. Которая главнее, не знаю. Ясно, что для композитора важнее вторая, но и без первой невозможно.

— А возвращаться к роялю тяжело?

— Весьма болезненно. Это самое неприятное, что есть в жизни. Много легче переходить обратно в «зону света». Но все же есть некий навык того, как это отчаяние можно пересилить.

— Чувствуете ли вы, заканчивая работу, что пересиливали и заставляли себя не зря?

— А это выясняется только в тот момент, когда начинаются репетиции.